

Профессиональные риски.

Автоматизация журналистских задач с помощью нейросетей может привести к сокращению рабочих мест для журналистов.

Журналисты, полагающиеся на нейросети, могут утратить навыки, необходимые для самостоятельной работы с информацией и создания контента.

Использование нейросетей может привести к снижению качества журналистики, если они не используются должным образом.

Технические риски.

Нейросети могут допускать ошибки, что может привести к распространению неточной или недостоверной информации. Могут быть уязвимы к хакерским атакам, что может привести к утечке конфиденциальной информации или манипулированию контентом.

Таким образом, нейронные сети представляют собой мощный инструмент, который может значительно повысить эффективность работы журналистов и редакций. Использование нейросетей сопряжено с рядом рисков, которые необходимо учитывать. Важно разрабатывать этические и профессиональные стандарты использования нейросетей в журналистике, а также обучать журналистов работать с этими технологиями. Только в этом случае можно будет использовать потенциал нейросетей в журналистике в полной мере, избежав негативных последствий.

Литература

1 Ксенофонов, В. В. Нейронные сети / В. В. Ксенофонов // КиберЛе-нинка : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyronnye-seti-1/viewer> (дата обращения: 16.05.2025).

2 Подзорова, М. И. Нейронная сеть, как одно из перспективных направлений искусственного интеллекта / М. И. Подзорова, И. В. Птицына, О. Н. Бахтиярова // КиберЛенинка : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyronnaya-set-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-iskusstvennogo-intellekta/viewer> (дата обращения: 16.05.2025).

3 Нейростат : статистика знания и использования генеративных нейросетей // Яндекс : сайт. – URL: <https://ya.ru/ai/stat> (дата обращения: 16.05.2025).

УДК 821.161.1-2*Ф.Достоевский:821.133.1-3*А.Камю

В. А. Дроздова

ТВОРЧЕСТВО Ф. ДОСТОЕВСКОГО В РЕЦЕПЦИИ А. КАМЮ: СПЕЦИФИКА ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЬЕСЕ «БЕСЫ»

В статье проводится сопоставительный анализ системы персонажей в романе «Бесы» Ф. Достоевского и одноимённой пьесе А. Камю. Если Ф. Достоевский детально анализирует причины духовного падения своих персонажей, то А. Камю видит основную причину нравственной деградации героев в экзистенциальном абсурде, который заполняет бытие человека пустотой, лишает смысла жизни. А. Камю переосмысливает «Бесов» Ф. Достоевского, пропуская ключевые образы романа через призму собственного художественного мировоззрения философских взглядов и исторического контекста.

Творчество Ф. Достоевского оказало большое влияние на работы и философские концепции А. Камю. А. Камю на протяжении многих лет творческой деятельности был погружён в художественный мир Достоевского, в том числе наблюдал за персонажами русского писателя на театральной сцене. Так, например, роман Ф. Достоевского «Бесы» французский писатель-экзистенциалист ставил выше остальных и отмечал, что именно эта книга «питала и формировала его» [1, с. 11]. Пьеса А. Камю «Бесы» создавалась в течение нескольких лет, практически все эпизоды романа были сохранены, кроме тех,

где появляется губернатор и его жена. Также А. Камю использовал черновики к «Бесам» и перенёс исповедь Ставрогина во вторую часть книги, где она была до цензуры. Писатель исключает некоторых второстепенных персонажей Достоевского, чтобы сосредоточиться на ключевых фигурах и основных сюжетных линиях, сделать пьесу более динамичной и сконцентрироваться на основных философских вопросах. Адаптация Камю – это не просто перенос текста романа на сцену. Это активное взаимодействие с оригинальным произведением, предполагающее выбор, интерпретацию и в конечном счёте создание нового текста. Камю не пассивно воспроизводит «Бесов» Достоевского, а переосмысливает их, пропуская через призму собственного художественного мировоззрения и исторического контекста, а также меняет некоторые акценты в характеристике персонажей.

Ставрогин – один из самых противоречивых героев Достоевского. По словам Бердяева, «действие в романе начинается после смерти Ставрогина. Подлинная жизнь его была в прошлом, до начала “Бесов”. Ставрогин угас, истощился, умер, и с покойника была снята маска. В романе среди всеобщего беснования является лишь эта мёртвая маска, жуткая и загадочная. Ставрогина уже нет в “Бесах”, и в “Бесах” никого и ничего нет, кроме самого Ставрогина. В этом смысл символической трагедии “Бесов”» [2, с. 2]. Ставрогин у Достоевского – харизматичный, но морально опустошённый персонаж. Он обладает привлекательностью, но несёт с собой хаос, заражая окружающих цинизмом. Он, скорее, *символ духовного падения*, чем герой, который вызывает сочувствие.

В одноимённой пьесе Камю внутренняя трагедия Ставрогина выносится на первый план. Камю сделал персонажа более трагичным и рефлексирующим, подчеркнув его внутреннюю борьбу и осознание собственной ничтожности. Камю представляет Ставрогина как *трагичную фигуру*. Его харизма приглушена, а внутренняя борьба и *невозможность обрести смысл жизни* выходят на первый план. Ставрогин Камю – это *не столько разрушитель, сколько жертва собственной внутренней пустоты*.

Таким образом, интерпретация Ставрогина в романе Достоевского и в пьесе Камю отражает различные философские взгляды авторов. Достоевский видит в Ставрогине символ духовной деградации и *предупреждение об опасности нигилизма*. Камю, в свою очередь, подчёркивает *трагическую обречённость* героя, представляя его *жертвой абсурда* и символом «потерянного поколения».

Верховенский у Достоевского – это персонаж, олицетворяющий зло и хаос. Он циничный, аморальный манипулятор, использующий революционные идеи для достижения личной цели. Его карикатурная внешность и отталкивающие манеры подчёркивают духовную низость. Он представлен как «мелкий бес», авантюрист, готовый на всё ради власти. Его идеи разрушительны. Речь Верховенского, по описанию Достоевского, изначально привлекает внимание своей уверенностью и ясностью: «говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман», «выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зёрнушки» [3, с. 154]. Однако именно готовность к любой ситуации вызывает отторжение: «...сначала это вам и нравится, но потом станет противно» [3, с. 154]. Создаётся впечатление чего-то искусственного и даже отталкивающего: «Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту, должно быть, какой-нибудь особенной формы с чрезвычайно острым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком» [3, с. 154].

В интерпретации Камю Верховенский *сохраняет черты манипулятора*. Он идеолог, осознанно использующий нигилизм как инструмент для достижения политических целей. В романе Достоевского Верховенский – коварный и циничный манипулятор, но *со сложным внутренним миром*. Камю делает его более *карикатурным и гротескным*, подчёркивая его *абсурдность и бесчеловечность*: «Моё дело – всё разрушить, а строить будут другие» [4, с. 45]. Он убеждён, что, «чем больше улучшают и реформируют, тем хуже становится» [4, с. 45], поэтому *призывает к немедленному и тотальному уничтожению*, ведь «чем быстрее начинаешь разрушать, тем лучше становится», а думать о последствиях – это не его дело, потому что «всё остальное – вздор, чепуха, мусор» [4, с. 45].

Кириллов – один из самых странных и трагичных персонажей романа. Он фанатик идеи, доведённый до крайности в своих рассуждениях о Боге, свободе и смерти. Он верит, что человек может стать Богом, если преодолеет страх смерти и совершит самоубийство. Его самоубийство – это не просто акт отчаяния, а попытка доказать свою независимость от Бога и смерти. Он *ищет Бога через отрицание*, доводя эту идею до абсурда. «Кто смеет убить себя, тот бог. Никто об этом не подумал. Только я» [4, с. 26].

Камю подчёркивает абсурдность бунта Кириллова. Его *самоубийство теряет религиозный подтекст и становится бессмысленным актом протеста* против абсурдности существования. Он пытается найти свободу через смерть, но в итоге становится жертвой собственной философии. «Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же докажет страшную свободу человека?» [4, с. 32]. Камю многократно обращался к образу Кириллова в философских работах. Кириллов, по мнению Камю, осознаёт абсурдность существования и приходит к выводу, что единственным способом победить Бога и утвердить свою абсолютную свободу является самоубийство. Писатель говорит, что это *попытка абсурдного человека установить свою свободу*, попытка заявить о себе как о независимом субъекте, который может контролировать даже свою смерть. Достоевский же показывает, что самоубийство Кириллова – это *заблуждение, вызванное духовной болезнью и оторванностью от Бога*.

Шатов – человек, находящийся в постоянном духовном поиске. Шатов относится к тем героям Достоевского, кто, как и автор, всю жизнь сознательно и бессознательно мучается существованием Бога. На прямой вопрос Ставрогина («Веруете вы сами в Бога или нет?») Шатов отвечает: «Я верую в Россию, я верую в её православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я... я буду веровать в Бога». [3, с. 254]. Он жертва политических интриг, но также и *символ возможности духовного возрождения*.

Камю делает *акцент на одиночестве и отчаянии* Шатова. Его духовные поиски кажутся более трагичными и безнадёжными. Он жертва обстоятельств, символ потерянной веры и надежды. Гибель Шатова – это свидетельство бессмысленности и жестокости окружающего мира.

Таким образом, различия в интерпретации отражают различные философские взгляды авторов. Достоевский *исследует религиозные и моральные вопросы*, связанные с верой, атеизмом и свободой воли. Камю, в свою очередь, *акцентирует внимание на экзистенциальных вопросах*. Ставрогин у Достоевского – символ духовной деградации, у Камю – трагичная жертва абсурда. Верховенский в романе «Бесы» – аморальный манипулятор, а в пьесе Камю – карикатурный идеолог нигилизма. Кириллов у Достоевского – одержимый «человекобог», душевно больной, а у Камю – бунтарь против абсурда, осознанный, но трагичный. Шатов Достоевского находится в духовном поиске, верит в Россию и православие, жертва интриг, но с шансом на возрождение, в то время как у Камю этот персонаж одинокий, отчаявшийся, его поиски заведомо безнадёжны, он жертва мира и символ потерянной веры.

Литература

1 Кушкин, Е. «Бесы» на французской сцене / Е. Кушкин. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2013/11/besy-na-francuzskoj-scene.html> (дата обращения: 08.03.2025).

2 Библиотека «Вехи». Н. А. Бердяев. Ставрогин. – URL: <https://vehi.net/berdyayev/stvrogin.html> (дата обращения: 10.03.2025).

3 Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. Достоевский, – М. : Азбука, 2024 – 640 с.

4 Theatre-library. А. Камю. Бесы. – URL: https://theatre-library.ru/files/k/kamyu/kamyu_5155.doc (дата обращения: 08.03.2025).